

ПРО ЗАЙЦЕВ, СЕНЯ, ЭТО НЕАКТУАЛЬНО¹

«— Да, да, Стёпа, литература откололась от жизни, изменяет народу; теперь пишут красивенькие пустячки для забавы сытых; чутьё на правду потеряно...»

Максим Горький, «Жизнь Клима Самгина»

¹ Начало дискуссии «Литература в поисках героя» в «Литературной газете». 2009. №7. 18-24 февраля. С. 6.

«Наёмный убийца, не ведающий жалости. Профессиональная содержанка и прожигательница жизни, крепко подсевшая на наркотики. Избалованный наследник огромного состояния, считающий, что ему всё дозволено. Что объединяет этих людей?»

Рекламная аннотация к недавно изданному роману

...Так что же объединяет этих уважаемых россиян: наёмного убийцу, профессиональную содержанку и избалованного наследника?

Давайте вспомним: три гордых профиля мужественно смотрят за горизонт. Рабочий с молотом, колхозница с серпом, интеллигент с логарифмической линейкой. Киты мироздания. Недавно шёл по улице и будто споткнулся. Ноги продолжают идти, а мысль топчется на месте, подозрительно разглядывая увиденное. Элегантный такой плакатик, сто на пятьдесят метров. Аккурат целый дом на Лубянской площади загораживает. Три слова на чёрном фоне: «Интеллект. Уверенность. Безопасность». Хорошие слова, не матерные, но что-то в них неуловимо смущает. Что-то раздражает, да так, что хочется в урну сплюнуть (хотя лучше в платок, я знаю).

Понял наконец. Раньше ведь что на стенах писали? «Ум, честь и совесть». Теперь вместо ума – интеллект, вместо совести – уверенность, вместо чести – безопасность. На уровне «второй сигнальной системы» явное снижение пафоса наблюдается. «Сигнальные системы» – это «системы раздражителей, образующие у людей устойчивые нервные связи». «Первая система» – вещи и явления мира, «вторая» – слова и знаки. Литература относится ко «второй», понятно.

МАЛ ДА ДОРОГ

Вот я тут прочёл в январской книжке «Нового мира» статью Сергея Белякова «Призрак титулярного советника». О непростой эволюции образа «маленького человека» в современной русской литературе.

Коротко своими словами. Во времена Гоголя и Достоевского общественный статус «маленького человека» был ниже статуса читателей литературных журналов, и обращение к этой теме пробуждало в них «милость к падшим». Чувство прекрасное, и за возможность его испытывать «маленького человека» стали превозносить. Был Акакий Акакиевич – стал Платон Каратаев, обладатель сокровенного «этического знания». Преклонение перед «низами» постепенно освобождало сознание образованного сословия от мысли об ответственности за них: как станешь заботиться о том, кто лучше тебя, мудрее и сам только и делает, что преподаёт уроки? Незадолго до кризиса появился доктор Чехов со своими «Злоумышленником» и «Спать хочется», но было поздно.

Противореча себе, Сергей Беляков утверждает, что в литературе конца XX века возобладала чеховская традиция, как бы слегка «циническая». Это со всех сторон неверно. Во-первых, Чехов был подвижником, на Сахалин ездил, чахотку заполучил. Во-вторых, он не столько язвил малых да сирых, сколько врачевал сентиментальность и прекраснодушие образованного сословия, на них проливаемые. «Линию Чехова» оборвала революция, в

результате которой всем удобный «маленький человек» оборотился всем неудобным Шариковым, эту метаморфозу сам же Беляков и отметил. А это уже не «линия Чехова» – «линия Булгакова» получается.

МАЛ ДА ВОНЮЧ

Западные слависты часто спрашивают: «За что вы, русские, не любите Шарикова? Ведь он же «маленький»!.. Ну да. Смердяков тоже «маленький». Так и что ж?

В дилемме «маленький, но подлец» первичен подлец. У Булгакова профессор Преображенский тоже не ангел: граница между добром и злом не совпадает с сословной границей. Другое дело у творчески развившей «линию Булгакова» Людмилы Улицкой. Тут с «социально близких» хоть икону пиши, а «плебеи» так и сочатся подлостью. Беляков настолько точно обрисовал в статье её «творческий метод», что, похоже, сам испугался: пришлось называть «Казус Кукоцкого» «одним из наиболее значительных современных русских романов», а то мало ли...

Интересно, однако, что рядом с Улицкой он ставит не Татьяну Толстую, у которой неприязнь к плебеям разрастается до берсеркской ярости, а классовая солидарность с обитателями академических дач оборачивается нежной любовной лирикой. Оказывается, в затылок автору «одного из наиболее значительных современных русских романов» дышит... Оксана Робски.

Это неожиданно, но глубоко правильно. Если Толстая и Улицкая – это «линия Булгакова», то Робски – уже «линия Толстой и Улицкой». Срабатывает механизм «преемственности элит». Улицкая и Толстая представляют от «посттоталитарной элиты», Оксана Робски – от нынешней. И вот тут становится ясно, что вывести родословную этих дам из классической русской литературы не легче, чем найти пресловутое промежуточное звено между обезьяной и человеком. Какое звено, когда там пограничник с собакой стоит...

ЭЛИТА И ЛИМИТА

При «старом режиме» в России с трёхсотлетней традицией государственности (если считать от Смуты) принадлежность к элите определялась через бремя ответственности. Но настали новые времена, воссияла Свобода, к власти пришли вероотступники, цареубийцы и дезертиры. Понятие социального долга им, только что этот долг нарушившим «всеми возможными способами», было неприятно, как напоминание о верёвке родственникам повесившегося. Признаком принадлежности к элите сделались «привилегии», что и неудивительно. Таково мироощущение человека, который «дорвался». Не только до материальных благ. До возможности казнить и миловать, например. Законный правитель это делать «обязан», а узурпатор «волен»: ужо я вас, гы-гы-гы.

Но неумолимая логика вращения планет вокруг Солнца приводит к тому, что рано или поздно «дорвавшийся» наедается чувства праздника. Жизнь становится для него рутиной, обязанностью, приходится учиться

терпеть, а там уже и до чувства долга недалеко. С точки зрения стоящих в очереди за привилегиями это означает, что у Акелы сточились зубы. Они поднатуживают... и происходит «смена элит».

После второго за сто лет переворота (под знаком «борьбы с привилегиями», разумеется) признаком принадлежности к «элите» стала считаться безответственность как таковая. Отныне «элита» – это когда «всё дозволено». Когда тебе «ничего за это не будет». Как министру Фурсенко (или кто там у них).

Хотя зачем далеко ходить: Людмиле Улицкой, не так давно освятившей своим именем серию «сексуально-просветительских» книжек для детей, в том числе о благе гомосексуализма, место рядом с «гражданином кантона Ури», а мы её в авторах «значительного романа» числим. «Хозяйка дискурса», что ж поделать.

ЭЛИТА И СЕРМЯГА

Итак, главная привилегия «посттоталитарной элиты» – безответственность. Стоит ли говорить, что Улицкая и Толстая не отвечали за ту страну, «культурной элитой» которой считались, – они её презирали и ненавидели.

А кто отвечал? Те, кого Сергей Беляков побрезговал включить в свои построения, – представители «официальной культуры»: Г. Марков, А. Иванов, С. Сартаков и так далее. То была «состарившаяся элита» – главный объект ненависти «элиты посттоталитарной», молодой и голодной. Хорошо или плохо «официальщики» делали то, что делали, – отдельный вопрос; главное, они за это отвечали. Плохо делали – ответили поношением и забвением их имён, тем, что дело их насмарку пошло, зря прожита жизнь... Но платящий по счетам достоин уважения.

А нынешние, как история ни повернись, всегда «в домике». Это народ дурак, власть негодяйка, лошади предатели, а мы на веки вечные эталон вкуса и совести, и никаким «гомосексуализмом для самых маленьких», никакими лакейскими колонками в гламурных журналах, никакими «школами злословия» этого не исправишь.

Клим Чугункин был, говорите? Ну а теперь – Клим Самгин. Маленький человек, мнящий себя «мозгом нации». ...Кстати, из недр официальной советской культуры вышла вполне оригинальная «оттепельная» концепция «маленького человека». Пожалуй, это было самое светлое из всего, что удалось породить советской культуре, и самое ценное из всего, что было выброшено вместе ней на помойку. «Пришёл с работы, почистил картошки, пожарил, съел и лёг спать – а от этого приблизилось всеобщее счастье, потому что и чистил, и жарил, и ел ты её правильно – в русле объективного исторического развития: со всем народом, а не наперекор ему». От соцреализма тут остались «трудовой подвиг» и «исторический оптимизм», от русской классики взята христианская идея Утешения, от масскульта добавлен завораживающе уютный быт. В качестве примеров на ум в первую очередь приходит кино, но не стоит забывать, что фильм «Девчата» – довольно точная по духу

экранизация романа Бориса Бедного. Ничего подобного не могло появиться без «соцреализма» с его дьявольским равнодушием к человеку и невыносимо героическими героями, от которых так приятно было отдохнуть в уголке. Вернёмся, однако, к нашим оксанам.

ЭЛИТА И ДИВНЫЙ МИР

«Гламурная элита» Оксана Робски в отличие от старших подруг (которые ох намучились при проклятом товарном дефиците, ох намучились!) ненависти к своей стране не испытывает, хотя, вероятно, пытается делать вид. Сейчас модно сетовать на тяготы офисного служения, автомобильные пробки и тотальный кретинизм масс, совсем как во времена оны – на утренний шестичасовой гимн, дефицит хорошего Пастернака и полиэтиленовых пакетиков. Инстинктивно понимая, что элитной писательнице положено быть «выше ихнего», а значит, «их» надо ругать, никакой ненависти Оксана к нам не испытывает. И вот почему.

Это её страна. Идёшь мимо книжного магазина – видишь плакат: «Ай лав бабки», – ого, вышла интересная книга. Едешь в метро, там по стенам вместо проклятых «людей труда», шариковщины всей этой, красавицы в кружевном белье. Красиво. Переходный период закончился – теперь у нас опять официальная культура есть. Почему, несмотря на непрекращающиеся завывания общественных организаций, не меняется эфирная политика телевизионных каналов? Да потому, что это не их политика. Это политика официальная, государственная. «Так нужно».

Зачем нужно и как наличие государственной политики в области культуры соотносится с непоколебимым принципом безответственности элит, – об этом коротко. Не существует больше национальных правительств. А нации как тяжкий груз прошлого пока что остались. Это проблема, её надо решать. Вот Мировое правительство и решает – руками своих местных филиалов.

В этой ситуации поиски следов «маленького человека» в литературе сродни перестановке книг на полках в горящем доме. Не ищите в шкафу, пустое. Зайдите лучше, у кого есть возможность, на сайт www.rusbereza.ru, почитайте письма. Сразу станет ясно, что делать.